

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПОВОЛЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СОЦИАЛЬНАЯ СИНТЕТИКА И АКТУАЛЬНАЯ НАУКА

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО,
ПРИРОДА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Международный сборник научных трудов

Йошкар-Ола
ПГТУ
2013

УДК 378.662

ББК 72

С 69

Ответственный и научный редактор сборника материалов чтений
доктор философских наук, профессор, председатель НКЦ – Дома ученых
г. Йошкар-Олы, декан факультета социальных технологий ПГТУ, заслуженный
действительный член РАЕН Марий Эл **В. П. Шалаев**.

Редакционная коллегия
проф. Шалаев В.П. (ПГТУ, Йошкар-Ола),
проф. Арилинов В.И. (ИФ РАН, Москва),
проф. Бабосов Е.М. (ИАН Беларусь, Минск)
проф. Степанов Е.И. (ИС РАН, Москва)

*Печатается по решению
оргкомитета Вавиловских чтений*

Перепечатка материалов сборника осуществляется по решению
редакционной коллегии

**Социальная синергетика и актуальная наука: человек, общество,
природа в эпоху глобальных трансформаций**, международный сборник
научных трудов / под общей редакцией проф. В. П. Шалаева. – Йошкар-
Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. –
380 с.
ISBN 978-5-8158-1307-6

Сборник международных научных трудов включает в себя итоговые материалы
XII специализированного синергетического семинара и XVI Вавиловских чтений –
постоянно действующей международной междисциплинарной научной конференции,
состоявшихся в г. Йошкар-Оле 25–26 декабря 2013 года по теме «Человек, Общество,
природа в эпоху глобальных трансформаций». В сборнике принимают участие
ученые из университетских центров России (Москва, Санкт-Петербург, Йошкар-Ола,
Казань, Н.Новгород, Тверь), а также зарубежных стран – Белоруссии, Словакии,
Украины, Таджикистана, Азербайджана и СПА. Центральными темами сборника
стали актуальные проблемы современного социально-синергетического знания, а
также актуальные аспекты развития трансформирующегося мира. Эти темы стали
центральными в итоговом сборнике международных трудов, а также и в
представленном здесь Международном сборнике трудов «Социальная
синергетика и актуальная наука».

Всего для участия в состоявшихся XVI вавиловских чтениях было
подано более 500 заявок. Самыми крупными делегациями (кроме делегаций
Поволжского государственного технологического университета и
Мариинского государственного университета) стали Университетские
сообщества г. Казани (30 представленных заявок), Москвы (17 пред-
ставляемых заявок), Нижнего Новгорода (6 заявок), Санкт-Петербурга

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ (СЛОВО РЕДАКТОРА)

Вавиловское движение продолжается

Шестнадцатые Вавиловские чтения, международная междисциплинарная научная конференция проходила в экстремальной предновогодней и предлессионной ситуации 25–26 декабря 2013 года. Но, вопреки всему, чтения состоялись. На этот раз они объединили ученых и исследователей различных отраслей научного знания, практических специалистов, аспирантов, магистрантов и студентов, представляющих Йошкар-Олу, Казань, Нижний Новгород, Уфу, Москву, Санкт-Петербург и др. учебные и научные центры России, а также представителей зарубежных стран из США, Великобритании, Германии, Турции, Словакии, Болгарии, Беларусь, Украины, Таджикистана – всего 10 стран.

Вавиловские чтения – уникальная международная конференция. За годы своего существования чтения стали своеобразным научным лицом Республики Марий Эл в современном российском и зарубежном научном пространстве. Изюминкой Вавиловских чтений является их ярко выраженный междисциплинарный и комплексный характер, диалог различных частей и направлений научного знания по актуальным проблемам современного российского общества, диалог различных поколений в структуре научного знания. За время своего существования чтения выросли в стабильную международную конференцию. Общее количество участников Вавиловских чтений сегодня охватывает уже более 6 тысяч человек.

Ключевыми темами Вавиловских чтений на протяжении всех лет их существования является исследование общемировых общественных процессов и их отражение на уровне развития отдельных стран и народов, анализ места и роли России в современном мире, в ситуации глобальных трансформаций современного общества, проблема национальной безопасности России в трансформирующемся мире. Эти темы стали центральными в итоговом сборнике международных трудов, а также и в представленном здесь Международном сборнике трудов «Социальная синергетика и актуальная наука».

УДК 378.662
ББК 72
ISBN 978-5-8158-1307-6

© Поволжский государственный
технологический университет, 2013
© Научно-культурный центр –
Дом ученых г. Йошкар-Олы, 2013
© В.П. Шалаев, 2013

тальному подходу к ней, что создавало питательную почву для культурной ассимиляции. Таким образом, модернизация и урбанизация радиально меняют характер воспроизводства этничности. Упадок глубинки выводит второй механизм конструирования «этничности без групп» на первый план.

Правда, в конце XX в. в этот процесс были внесены существенные корректизы. Раствор СССР, с одной стороны, был частично спровоцирован ростом национализма, а с другой – он его стимулировал. Этот процесс совпал с обострением национального и религиозного сознания во многих странах Востока и – частично – Запада. В этот контекст влился и процесс формирования постмодернистской культуры с ее культом относительности и плюрализма, одной из сторон которого является мультикультурализм. Все это внесло корректизы в городское пространство формирования этничности, но не изменило его суть: это конструирование этничности без групп (исключение – ситуации этнической мобилизации в точках открытых национальных конфликтов). Данный тренд проявился и в Марий Эл, хотя он, видимо, сохраняет латентные формы.

Литература:

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размытия об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-ПРЕСС-Ц, Кучково Поле. 2001.
2. Барт Ф. Введение / Ф. Барт // Этнические группы и социальные границы. – М., 2006. – С. 11–19.
3. Брубейкер, Р. Этничность без группы / Р. Брубейкер. – М.: Изд-во ВШЭ, 2012.
4. Ильин, В. И. Глубинка как социологическая категория // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: М-лы IV очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. – М.: РОС, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sssg.ru/files/File/congress2012/part75.pdf>.
5. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 г.): научно-статистический бюллетень / сост. В. И. Шабыков. – Йошкар-Ола, 2002.
6. Ильин, В. И. Модернизация повседневности в Корее / В. И. Ильин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – № 4.
7. Орлова, О. В. Этносоциальные проблемы молодежи / О. В. Орлова: отв. ред. Е.В. Соловьев // Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл. Проблемы реализации. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 30–45.
8. Религиозное сознание населения Республики Марий Эл (материалы социологических исследований 1994 и 2004 годов): научно-статистический бюллетень. Йошкар-Ола, 2005.

2011.

9. Соловьев, Е. В. Этнос и урбанизация / Е. В. Соловьев. – Йошкар-Ола, Е. В. Соловьев // Этнокультурная интеграция в городе и селе /

мы реализации / Отв. ред. Е. В. Соловьев. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 73–105.

10. Соловьев, Е. В. Проблемы этнокультурной интеграции в городе и селе / Е. В. Соловьев // Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл. Проблемы реализации / Отв. ред. Е. В. Соловьев. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 73–105.

11. Теннис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 207–229.

12. Шабыков, В. И. Динамика религиозного сознания населения Республики Марий Эл (на материалах социологических исследований 1994–2004 гг.) / В. И. Шабыков // К истории межконфессионального согласия. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 113–130.

13. Шабыков, В. И. Современные социолингвистические проблемы в Республике Марий Эл / В. И. Шабыков; отв. ред. Е. В. Соловьев // Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл. Проблемы реализации. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 15–29.

14. Шабыков, В. И. Межэтнические браки в Республике Марий Эл на рубеже ХХ–ХХI веков: объективная реальность и общественное сознание / В. И. Шабыков, Г. С. Зеленева // Молодежь Республики Марий Эл (Семья и школа). – Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010. – С. 91–108.

15. Шаров, В. Д. Этнодемографическая характеристика / В. Д. Шаров // Марийцы. Историко-демографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005.

*Наимутдинов Б. В.,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва*

УЧЕНИЕ О НАРОДЕ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ ЕВРАЗИЙСТВА

Аннотация. В статье с критическими авторскими позиций исследуются вопросы эволюции учения о национальном и национализме в призме творческого наследия классиков евразийства, утверждавших, что Россия есть своеобразное единство Европы и Азии.

*Nazmutdinov B.V.,
Scientific research university «economy Higher school», Moscow*

THE DOCTRINE ABOUT THE PEOPLE IN WORKS OF THE CLASSICS ASSERTING, THAT RUSSIA IS ORIGINAL UNITY OF EUROPE AND ASIA

The summary. In article from critical author's positions questions of evolution of the doctrine about national and nationalism in a prism of a crea-

tive heritage of classics asserting are investigated, that Russia is especially

unity of Europe and Asia.

Среди исследователей национализма и «национализмов» распространено общее деление на «французское» и «немецкое» понимание нации¹. Первое из них сформировалось на рубеже XVIII и XIX вв. Алоготом этого направления стал Э. Ж. Сийес, давший нации формальное, юридическое определение: она есть «общество людей, живущих под общим законом и представленным одним законодательным учреждением»².

Данное определение было формальным, поскольку Сийес избрал точкой отсчета абстрактного индивида, особенные свойства которого автор не собирался рассматривать. Стремясь упразднить феодальные привилегии двух первых сословий, духовенства и аристократии, Сийес попытался обосновать правовое единство нации. Третье сословие, по мнению автора, и должно составлять нацию, привилегированное слоно входят в ее состав. Нация – только формально равные. Формальная однородность тех единиц, что названы гражданами, ведет к важному выводу: нация – сумма, в ней правит количественное большинство, меньшинство же вынуждено смириться. На этих основаниях и была построена концепция национального суверенитета, утверждавшая возможность представительства интересов нации.³

Иное понимание «нации» возникло в среде германских мыслителей в начале XIX в. как итог осмыслиения революции 1789 г. Сочтя «французское» определение слишком «абстрактным» (в т.ч. и в «гегелевском» смысле), немецкие авторы следовали другой логике. Нации нельзя строить, исходя из абстрактных оснований разума, ибо он способен лишь «упорядочивать результат развития, а не создавать новые содержания»⁴. В связи с интерпретацией идей Монтескье – в работе «О духе законов» автор упоминал об особых, народных воплощениях «общего духа» – подобное видение привело к взгляду на нацию как на то «пое, в котором всеобщее нравственное начало именно в определенных и

особых формах жизни обретает свой облик»¹. Нация спаяна общей судьбой, как прошлой, так и будущей (на чем настаивал Шиллер); нечто, чьими устами говорит единий язык (Фихте). Принаки нации здесь не формальны, а сущностны: единство культуры, общность происхождения, языка, нравов, и пр.

Однако возможно ли другое понимание нации? Представители евразийства – идейного течения, возникшего в начале 1920-х гг. – стремились выйти за пределы формального понимания нации². При этом евразийцы в гораздо меньшей степени, чем германские ученые уделяли внимание «расовому» и «этническому» аспектам нации, предпочитая настаивать на единстве «месторазвития» – специфического пространства, в каком формируется единица общности. Учение о нации в контексте Евразии превращалось в учение об уникальной «многонародной личности», чьей формой существования является Российское государство³.

Стоит отметить, что евразийцы редко писали о «нации», хотя и упоминали об «общеварзийском» национализме. Термины «нация» и «население» в отличие от «народа» им казались формальными, чуждыми. Для евразийцев значим был не состав индивидов, связанных с государством узами права, но субстрат государства, единая общность, обраzuющая Евразию. Этот субстрат – вовсе не этнос, а народ в широком значении: как полизначное единство, как «многонародная личность». Именно в этом значении «народ» чаще всего будет использоваться в этой статье.

Евразийцы понимали под «народом» вовсе не то, что подразумевал под «нацией» Сийес или под «народом» – немецкий государствовед Г. Еллинек, в целом следовавший Сийесу. По мнению Еллинек, народ – объединенная в государстве масса людей. Разумеется, учений добавлял, что говорят о народе в юридическом смысле и что только в таком смысле народ немыслим вне государства⁴. Однако в контексте учения

¹ Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М., 2001. – С. 134.

² См. соответственно негативную и комплиментарную оценки взглядов евразийцев на природу «нации» и «национализма». Шнирельман, В. А. Евразийская идея и теория культуры / В. А. Шнирельман // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 4. – С. 3–16.

³ Р. Вахитов, П. Н. Савицкий, от национал-либеральной к евразийской теории империи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2011. – № 4. – С. 79–95.

⁴ Группу народов, сплоченных единством «месторазвития», «неевразией» Л. Н. Гумилев впоследствии назвал «суперэтносом», притяжение же между ними – «комплиментарно-этническим». Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М., 2000. – С. 120.

¹ О политическом (условно – французском) и культурно-этническом (условно – немецком) понимании нации см.: Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум – СПб., 1998.

² Сийес, Э. Ж. Что такое третье сословие / Э. Ж. Сийес // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. – СПб., 2003. – С. 160.

³ Об иных, «экономических», основаниях данной концепции см.: Манен, Б. Принципы представительного правления / Б. Манен. – СПб., 2008. – С. 10–11.

⁴ Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М., 2001. – С. 140.

Елинека народ иначе не мыслился¹, тогда как евразийский юрист Н. Н. Алексеев, следуя путем скорее социологии, чем юриспруденции, пытался выстроить дескриптивное учение о народе как моменте государства: «Распространенное ныне „учение о народе“ отожествляется с учением о *супергосударстве народа*, то есть с учением, что *народу должна принадлежать верховная власть в государстве*»². По мнению автора, народу вменяется полновластие, и на этом вменении строятся нормативные суждения о народе. Однако, по Алексееву, нужно изучать то, что в действительности сплачивает народ как общность. Ведь само государство, которое необходимо выявить,

Схожие мысли были свойственны евразийцам. Сквозь фактологию они пытались увидеть глубинные ценности, объединяющие народ в государстве и обуславливающие характер государственного правления. При таком обсуждении авторы выходили за пределы юриспруденции, поэтому учение о народе являлось для евразийцев междисциплинарным.

В данном контексте уместно сначала рассмотреть понятие личности в работах евразийцев, поскольку многие евразийцы считали общность Евразии «многонародной личностью», после чего перейти к рассмотрению народа как момента (астекта) государства, перейдя после этого к рассмотрению «общееевразийского национализма» и его возможных государственно-правовых воплощений.

Учение евразийцев о личности

Проблема личности не могла не быть главной для евразийства. Ключевой вопрос многих социальных учений сводится к следующему: кто является субъектом развития? Если точкой отсчета является индивид, то право индивида первично по отношению к праву целого. Если же субъектом развития признается общность, то фундаментальным признается ее право на «самосохранение», что означает для членов подобной общности, прежде всего, обязанности по отношению к целому: первична обязанность индивида.

Заявленная дилемма не совсем корректна. Тем более, что не все евразийцы соглашались с подобным разграничением. Алексеев, к примеру, отрицал первичность права или обязанности по отношению друг к

другу¹. Однако в целом учение евразийцев о личности можно охарактеризовать следующим образом. По их мнению, личность не была лишь индивидуальной, взаимодействующей с себе подобными и от них получающей признание собственной ценности. Она есть прежде всего кол-лективная личность, которая и является субъектом развития.

Н. С. Трубецкой подчеркивал, что для евразийцев «главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют Евразией»².

Подобная «центральзация» взорваний вокруг личности Евразии объясняет взаимосвязь естественных и гуманитарных наук, подчиняющихся евразийской «персонологии»³. Однако «идея личности, доминируя в системе наук, не замыкается одними науками и за их пределами становится исходной точкой для философии». Также идея личности призвана играть самую важную роль и в системе богословия, где природа ее находит окончательное раскрытие. Таким образом, вместо энциклопедии, т.е. анархического конгломерата друг с другом не согласованных научных, философских, политических, эстетических и т.д. идей, должна быть создана стройная система идей⁴.

Системная методология, предложенная Н. С. Трубецким, предполагает неразрывную связь всех наук. Междисциплинарность подхода евразийцев проявлялась в том, что некая базовая идея, например, понимание народа как личности, должна была отображаться во всех сферах знания. Эта идея с необходимостью выдвигала бы на первый план интересы симфонической личности, а не блага отдельных индивидов и этносов.

Одним из первых проблематику личности в евразийских изданиях обозначил философ Л. П. Карсавин, попытавшийся обосновать понятие личности, а также рассмотреть соотношение индивидуальной и симфонической (коллективной) личностей⁵. О проблематике личности также

¹ «В основу своих взглядов на народ... Г. Елинек положил чисто политическую норму.

сформулированную Руссо, что в правильно построенным... государстве народ, с одной стороны, является совокупностью граждан, принимающих участие в образовании супергосударства, с другой стороны – совокупностью поданных, подчиненных законам государства». Алексеев Н. Н. Теория государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство – М., 1998. – С. 426.

² Там же. С. 428.

³ «В основе своих взглядов на народ... Г. Елинек положил чисто политическую норму.

сформулированную Руссо, что в правильно построенным... государстве народ, с одной стороны, является совокупностью граждан, принимающих участие в образовании супергосударства, с другой стороны – совокупностью поданных, подчиненных законам государства». Алексеев Н. Н. Теория государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство – М., 1998. – С. 426.

⁴ Алексеев Н. Н. Религия, право и нравственность. – Париж, 1930. – С. 49.

⁵ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самосознания // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 98-99.

«Постепенность развертывания дискуссии евразийцев о церкви, личности и государстве» в 1925-1927 гг., повлившей на развитие евразийской «персонологии», прослежил Б. Е. Степанов. См.: Степанов Б. Е. Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли. ежегодник за 2001-2002 годы. – М., 2002. – С. 74-174.

писал и Алексеев, это интересовало значение индивидуальной личности в правовых отношениях: автор считал ее (как носителя сознания) «ключевым элементом правовой структуры¹.

Карсавин определял личность как «...самосредоточение и самораскрытие бытия в особом его образе, из коего и с коим бытие соотносит свой образы»². Автор выделял моменты-качествования (единичной личности) и моменты-личности (коллективные личности). Первые являли собой единство, отражая определенный аспект развития личности-индивида, вторые же отличались многообразием.

При этом единичные и симфонические (коллективные) личности, соотносятся друг с другом как индивидуальное и общее: «Мое познание, как специфический и в то же время общий всем людям акт, конечно, есть акт моей личности, и в этом смысле он качественно и по содержанию только ей и свойственен. Но он есть и общий акт, т.е. познание в моей индивидуальности высшей индивидуальности, которое по-разному индивидуализируется во мне и во всяком другом человеке. Точно так же качествованиями высших индивидуальностей во мне будут этические мои устремления и оценки, правовые эмоции и влечения, бывшие моя устремления и оценки, правовые эмоции и влечения»³.

Однако, общее, подчеркивал Карсавин, не может себя реализовать иначе как посредством индивидуального. Коллективная личность не есть существующая вне людей абстракция, она всегда в индивидуумах, однако не в простом механическом их сочетании, но в сочетании органическом⁴. Индивид может быть выражением нескольких коллективных личностей, поскольку философ называл коллективными личностями не только народы, как исторически формирующиеся личности, обладающие особым самосознанием и исторической памятью, но также и государства, отдельные государственные органы и даже отдельные социальные группы, в том числе правящий слой государства⁵.

По мнению автора, субъектами развития являются не столько единичные, сколько колективные личности. Развитию же (применительно к эмпирической действительности) Карсавин называет «... разворачивание, раскрытие чего-то уже потенциально данного, т.е. актуализацию ранее актуально не бывшего»⁶. Поэтому развитие нельзя отождествлять

с изменением: «С непрерывностью развития причинное взаимоотношение согласовать трудно: развитие не допускает деления развивающегося на "элементы", без разъединенности которых не установима причинная связь. Напротив, изменение необходимо такую разъединенность предполагает, потому допускает применение категории причинности и даже приводит к ней»¹.

Народ, как субъект развития, рассматривается не просто как пространственно-разъединенная общность индивидов (как у Еллинека), но одновременно и как единства, и как множества, на чем настаивали и сторонники «немецкого» понимания нации. Общество представляет перед лицом как целое, чьи отдельные свойства проявлены в индивидах. Особенные свойства индивида присущи, прежде всего, народу как более богатому средоточию моментов. Культура раскрывается в народной личности, наделенной исторической памятью, не отождествляемой с суммой отдельных воспоминаний образующих ее индивидов.

При этом Карсавин задается важнейшим вопросом и сам же на него отвечает: «Не может ли в нашей душе быть моментов как стяженных единиц, независимых от высших индивидуальностей? <...> Я отвечаю на эти вопросы решительным отрицанием. Стяженность моментов вторичных в момент первичный, "частное всеединство" во всеединой душе не может существовать вне общего, т.е. вне качествования высшей индивидуальности. Это частное всеединство – "реакция" индивидуальной души на воздействие высшей»².

Понятие народа

Индивид, по Карсавину, не существует вне более высокой личности. Но как можно «опознавать» волю народа как симфонической личности? Для ответа на этот вопрос Карсавин вынужден сформулировать понятие правящего слова: «"Народ", конечно, не метафора и не безразличность, не "первая материя". Он всегда определен некоторыми желаниями, стремлениями, идеями. Только все это приобретает действительность не в заявлении толпы, массы, голосующего населения, не в ясных программах и формулах, а – в руководящих личностях. Личности осу-

¹ См. об этом, напр.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб, 1998. – С. 69.

² Цит. по: Колесников Ю. В. Личность в евразийстве. Гносеологические основания. – М., 2008. – С. 31.

³ Карсавин Л. П. Философия истории. – М., 2007. – С. 98.

⁴ Разумеется, не в узком, естественно-научном понимании данного термина.

⁵ Карсавин Л. П. Государство и кризис демократии // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 189.

⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. – М., 2007. – С. 36.

ществляют национальные возможности, не исчерпываемые и не выразимые на языке отвлеченных понятий»¹.

По мнению Карсавина, народ не отличается от других каким-то наследием установленным критерием: расой, языком, территорией или нацией государства². Он определяется, точнее, описывается исторически, поскольку в нем отражается *культура*. Однако индивидуацией той же культуры может стать и другой народ, поэтому для того, чтобы «опознать» народ, нужно описывать его моменты-личности – правящий слой и др., т.е. осуществлять историческое исследование, поскольку народ опознается не внешне, но прежде всего изнутри – через самоидентификацию и противопоставление себя другим народам³. Таким образом, народ как субъект развития опознается исторически, предметом же истории является социально-психическое, подчеркивал Карсавин⁴.

Алексеев также считал, что место народа в государстве определяется «качествами народа как существа психического»⁵. При этом опознается народ как существо психического, а не рационально, выражать волю всей общности, всего народа. Этой группой Карсавин и Алексеев считают правящий слой. Подобный «слой» правит народом не в собственном смысле слова, подобно рулевому, ведущему судно по водам, он выражает волю народа. Лишь через правящий слой народ говорит о себе как о целом. Как пишет Савицкий, развивая мысль Карсавина: «Ведущий слой есть та первая реальность, которую они [евразийцы] видят в государственной жизни»⁶.

Однако государственная жизнь эмпирична, потому и несовершенна. Правящий слой как выражение народа также несовершен, поэтому его взаимоотношения с народом как целым характеризуются известным «натяжением». Когда же правящий слой перестает органически воплощать в себе целое, происходит то, что Карсавин называл революцией – смений правящего слоя при сохранении целостности народа. Народ в момент революции находится в состоянии быстрого, интенсивного становления, потому всякая революция насилиственна и мучительна. При

таком катаклизме народ либо исчезнет, либо переменит свойлик, т.е. правящий слой, насилиственным способом: «Революция раскрывает природу народа в ее расплавленном состоянии. А “ближайшая к природе власть, говорил Платон, есть власть сильного”». – Понятно, что в разрушительной борьбе новая государственность может утвердить себя лишь актами элементарного и жесточайшего насилия»¹.

Учение о народе у Карсавина превращается в учение о правящем слове, как микрокосме, через который народ как макрокосм выражает свою волю. Причем публичная, рациональная процедура наделения полномочиями властвующих не гарантирует органичность данного правления, как утверждают сторонники представительной демократии. Карсавин, как и иные евразийцы, полагает, что в случае представительной демократии партии имитируют представительство интересов, а не публичных интересов его, зачастую управляя в собственных, а не публичных интересах².

Органичность правления возможна даже при деспотии, если деспот инстинктивно опознает волю народа. Деспотия в сущности также есть государство, поскольку оно есть властный союз людей. Карсавин расходится здесь с традицией европейского конституционизма как учения об ограниченном правлении. Солидаризуясь с Трубецким и Алексеевым, он предлагает выйти за пределы данной традиции. В противовес М. Ориу и Карре де Мальберту евразийцы предлагают рассмотреть иные, внеевропейские формы государственного правления, хотя детальный анализ исследования этих форм, исключая Россию, и не производят.

Воззрения Карсавина, однако, имеют своей основой определенную европейскую, точнее, немецкую традицию. Вопрос о политическом принуждении, осуществляющем правящим слоем в отношении народа, тесно связан с учением о власти как о воле целого, представленном в немецком политическом организме³. Представители данного направления полагали, что проявление государственной власти есть выражение воли государственного организма как целого. «Нечто» способно

¹ Карсавин Л. П. Феноменология революции. – С. 271.

² Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – С. 192.

³ С. 172; Карсавин Л. П. Государство и кризис демократии. – С. 192.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Алексеев Н. Н. Теория государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 430–431.

⁷ Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Н. Избранное. – М., 2010. – С. 487.

говорить от имени целого, потому и способно повелевать частями этого целого. При этом «нечто» обосновано юридико-политически, посредством причастности к публично-властьным институтам. Дальнейшее разви-

тие эта мысль получила, к примеру, в работах К. Шмита, где воля суверена, реализуемая во властном решении, функционирует правопорядок.

В данной связи идеи Карсавина вроде бы не содержат ничего решительно нового. Однако он в отличие от немецких юристов XIX в. пытается обосновать учение о правящем слове не как юридическое учение, но как

учение синтетическое. Отвергая «социологию» как науку, автор пытается поставить на ее место политику – учение о культуре как о целом, – не ограничиваясь вопросами о государстве и праве. При этом правящий слой, как ни странно, конституируется им «социологически», а вовсе не через юридическую связь с публично-властьными институтами.

Подобная мысль получила свое развитие в трудах Трубецкого и Алексеева. Заслуга Карсавина в том, что он предложил обоснование понятия «правящего слоя», которым затем с различным успехом пользовались все евразийцы.

Однако критику со стороны соратников вызвал следующий тезис Карсавина: «...Мне представляется невозможным видеть в таких явлениях как войско, совет старейшин, даже группа охотников, и, если не сколько расширять проблему, в таких как сословие, класс – простое единение случайного множества индивидумов общим качествованием или общим системою качествований. Здесь везде перед нами некоторая коллективная индивидуальность, хотя бы и находящаяся, подобно разрозненно работающим по хозяйству женщинам, в эмбриональном состоянии, хотя бы и живущая подобно группе охотников всего несколько часов или дней»¹.

Т.е. везде, где возможно общение, налицо существует некая, стоящая над общающимися субъектами личность. Но как тогда можно объяснить то принципиальное нетоннинание, что часто возникает между людьми, ведь над ними должна находиться единая личность?

Возражая Карсавину, Алексеев подчеркивал то, что «...общение может быть только там, где имеется некоторая разобщенность элементов, некоторая раздельность стихий, вступающих друг с другом в отношения и связи <...> Реальность общественных явлений есть, следовательно, реальность отношений. Вывод этот должен быть спроведлив для всякой формы общения,— будь то семья, социальная группа, класс, нация, человечество и т. д. Нигде в области социальных отношений вза-

имодействие не слушается так, чтобы превратиться в отдельное самостоятельное существо, в субстанцию или монаду»².

Трубецкой, используя схожие аргументы, также отвергал точку зрения Карсавина: «Что касается до классов, сословий и проч., то их всегда можно рассматривать как индивидуации частнонародных личностей. В большинстве случаев такие внутринародные социальные группировки функционально соответствуют не индивидуациям, а ликам...», «мьянин», «я как лингвист»...»³.

Будучи лидером движения, Трубецкой косвенно или прямо побуждал евразийцев изменять свои прежние точки зрения. При этом, однако, он и сам испытывал влияние с их стороны. Предложенное Трубецким понятие «многонациональной личности» Евразии, объединяющей в себе народы, различные по многим критериям (языку, религии, крови), немыслимо вне концепции симфонической личности, различения моментов-личностей (коллективных личностей) и моментов-качество-ваний (индивидуальной личности), предложенных Карсавиным. Так, Трубецкой особо подчеркивал, что «...в то время как у частночеловеческой личности имеются только разновременные... индивидуации, у личности многочеловеческой наряду с разновременными имеются и одновременные (т.е. сосуществующие друг с другом в одно и то же время) индивидуации; такими одновременными индивидуациями многонародной личности являются отдельные входящие в нее народы»⁴.

Последнее утверждение оправдывает то положение, что «общегевразийский национализм» первичен по отношению к «национализмам» отдельных этносов.

«Общевразийский национализм»

Заявленный термин упоминается в одноименной статье Трубецкого, опубликованной в 1927 г. В ней автор, развивая положения своей статьи «Об истинном и ложном национализме» (1921), утверждает национальный субстрат государства в противовес классовому, защищаемому марксизмом. Пусть СССР формально и был федерацией, состоящей из национальных образований, скрепляющим звеном провозглашался прогледариат каждой республики, единый с трудающимися других народов и препятствующий тому, чтобы республики реализовали право выхода из

¹ Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. – С. 128 – 146.

² Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. – С. 94.

³ Письма Н. С. Трубецкого к П. Н. Савицкому // Соболев А. В. О русской философии – СПб., 2008. – С. 342.

⁴ Карсавин Л. П. Философия истории. – С. 94.

Союза¹. Но если исключить вменяемое этим народам классовое напряжение, исчезнет и основание, скрепляющее их в рамках единого государства. История впоследствии подтвердила эту догадку: хотя ведущие классы республик и не исчезли, они, отбросив марксизм, взяли на вооружение «рестабилизаторский» национализм, что привело к распаду СССР по принципам национальных республик.

Предвидя подобные события, Трубецкой призывал заменить марксизм «общевразийским национализмом», учитывавшим бы не классовые, но национальные свойства этих народов². «Многонародная личность» Евразии, существующая в рамках единого «мастерства» и скрепленная единством исторической судьбы, должна обрести такую политическую форму, которая обеспечила бы максимально комфортное существование каждого из народов, входящих в ее состав. Осознание этого единства автор и называл «общевразийским национализмом»³.

Единство исторической судьбы считалось евразийцами не абстрактной, а конкретной категорией. Они считали, что группы славянских, тюркских, финно-угорских народов связаны многими общими признаками. Р. О. Якобсон даже пытался найти филологическое оправдание подобной общности, сформулировав понятие «Евразийского языкового союза». Данный союз, по мнению автора, включает в себя группы этнических разных народов, в условиях определенного месторазвития влияющие друг на друга и обретающие общие языковые признаки⁴.

Каким же образом нужно организовывать жизнь этих народов? Базовый принцип этого объединения заявлен Н. С. Трубецким в «Европе и человечестве». Национальные культуры самоценны, поэтому в России нельзя ни одну из них культур назвать преобладающей: русские здесь лишь первые среди равных, федеративное устройство должно учиты-

вать этнографические границы между общностями, а не объединять их по прежним, преимущественно территориальным принципам¹.

Если Россия – империя, «государство-мир», то она должна и организоваться как сложное целое, построенное по национальному, а не по территориальному принципу. При этом автор отрицал право наций на самоопределение². У республик не должно быть права сепарации, поскольку это противоречило бы принципу единства «мастерства».

Территория, на которой проживает один из народов, принадлежит не только ему, но всему населению Евразии³.

Евразийцы строили свою модель в противовес как панславистским, имперским воззрениям, опиравшимся на взгляды Н. Я. Данилевского, так и «великорусскому национализму».

Для Данилевского, напомним, было важно то, что включается в образту славянства. Иные народы (венгры, румыны), чья самостоятельность помешала бы формированию «Всеславянской Федерации», должны войти в состав нового государства. Трубецкой считал подобное насилие недопустимым: иные славянские государства не должны входить в состав общего с Россией политического образования, поскольку находятся вне Евразии. Евразийцы также считали бессмысленным вхождение балтийских республик в состав СССР, поскольку те примыкают к «Европе», а не к Евразии.

Трубецкой называл «великорусским сепаратизмом» воззрения русских националистов, полагая что Россия, «...которую они хотели бы возродить, реально возможна только при отделении всех окраин, т.е. – в границах этнографической Великороссии»⁴.

В силу данных причин евразийцы сочли бы недопустимой позицию, занятую в 2011 г. коллегией Верховного Суда РФ. Последняя признала противоречием федеральному законодательству положения закона Республики Башкортостан, утверждавшего некоторые мусульманские

¹ Тем не менее, процедура реализации этого права не была определена должным образом.

² «Национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом... Эту нацию мы называем евразийской, ее территиро – Евразии, ее национализм – евразионизмом». Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Трубецкой Н. С.

³ Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 500.

⁴ Трубецкой Н. С. Там же. С. 505. Насколько шатко осознание общности исторических судеб народов Евразии, выявили события начала 1990-х гг.

⁵ Так, Балканский языковой союз включает в себя албанцев, сербов, греков, болгар и др.

Подобным союзом автор считал и Евразию, полагая, что «языкам Евразии решительно чужда политика во всех ее видах. Евразия оказывается с двух сторон симметрично окаймлена политическими языками: с севера-запада – балтийским, с юго-востока – тихоокеанским. <...>». Якобсон Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. – Париж, 1931. – С. 17.

¹ Подобный принцип деления автор отстаивал к примеру, по отношению к народам Кавказа и Закавказья. См.: Трубецкой Н. С. О кавказских народах // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 474.

² С Трубецким были согласен Алексеев: «...люзунг “самоопределения национальностей”, как это показал опыт, менее всего несет с собой покой и мир <...> Национальность есть великое дело, но отнюдь не высшая из ценностей». Алексеев Н. Н. Советский федерализм // Евразийский временник. Кн. V. – Париж, 1927. – С. 257.

³ «... в наше время нет места вопросу о том – разъединимы ли части, составляющие единое тело России-Евразии – они неразъединимы». Чхеидзе К. А. Национальная проблема Евразийская хроника. Выпуск IV. – Прага, 1926. – С. 28. Важно, что Алексеев в отличие от остальных евразийцев склонялся скорее к «национально-территориальному» федерации. См.: Алексеев Н. Н. Советский федерализм. – С. 258-259.

⁴ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм. – С. 505.

праздники в качестве нерабочих, праздничных дней. Решение суда отсылает нас к принципу светского государства, однако в данном контексте это нелогично. Учитывая нормативно закрепленный нерабочий день в честь празднования Рождества Христова. В силу данного решения мусульмане Башкирии не могли бы полноценно отмечать религиозные праздники, что ставило бы их в неравноправное положение по отношению к христианам. Неслучайно, позднее Президиум Верховного суда РФ отменил это решение, признав правомерным возможность признания мусульманских праздников в этой республике нерабочими днями¹.

Неоевразийское видение федерализма в РФ

Указанный выше пример характеризует современные проблемы российского федерализма. Тем не менее, евразийцы не предложили проектов их решений, допуская различные модели Евразийской Федерации. К примеру, Т. Н. Шаповалова, интерпретируя учение Трубецкого о многонациональной личности, предлагает создать такое устройство России, которое бы способствовало «...полиориентической многоуровневой модели, в которой наряду с универсальной общегосударственной законодательной системой существовало бы множество локальных нормативно-правовых систем, призванных на основе норм обычного права и исторически сложившихся традиций регламентировать отношения внутри автономий»².

Россия должна стать такой федерацией, в которой субъектами федеративных отношений наряду с РФ являются не государственно-территориальные образования (республики, края и т.д.), а вынештерриториальные автономии, образованные по различным критериям: этническому (удмурты, марийцы и др.), культурно-историческому (казаки, поморы и др.), религиозному (старообрядцы и др.), экономическому и пр. Наряду с нормами федерального законодательства, обязательного для автономий, в таком государстве должны существовать развитые локальные нормативно-правовые системы, учитывающие особенности различных социальных групп³.

Подобная модель отражает старую имперскую идею с первенством «центра» в сфере международной, военной и административной политики

тиki и относительной децентрализацией регионов, особенно в сфере частного права¹. При этом у автономий отсутствует право сепессии: они не имеют возможности отчуждать территорию, поскольку субъектами не являются прежде всего народы, а не территориально-государственные образования.

Тем не менее, автономии наделяются иными важными полномочиями. Значение норм обычного права в их юрисдикциях не сводится лишь к регулированию отношений, связанных с применением правовых норм к представителям коренных малочисленных народов, как это предусмотрено, например, современным российским законодательством².

Сфера применения «локальных правовых систем» должна быть существенно расширена как в сфере частного, так и публичного права.

Предлагается даже предоставить автономиям возможность выбирать

себе форму правления, что невозможно в современной России.

Однако в таком государстве может возникнуть множество проблем

в области правотворчества и сфере применения права. Концепция концептуальных, взаимно «накладывающихся» друг на друга, колективных личностей, предложенная классиками евразийства, спроектирована неоевразийцами на область федеративных отношений. Одна автономия может включать в себя другие, ведь те сформированы не только по национальному признаку, но и иным признакам. Соответственно граж-

данин может быть членом одновременно нескольких автономий – отнюдь и проблема определения правового статуса личности: каким образом определить его содержание? Если неоевразийцы отказываются от территориального принципа, им необходимо выдвинуть вместо него иной принцип – прежде всего, персональный.

Подобная «полиориентическая система», по нашему мнению, приведет к хаосу, связанному с неопределенностью содержания правового статуса личности. С точки зрения права, индивидуальная личность будет распылена между автономиями. Представим себе абсурдную ситуацию, которая в действительности есть доведенный до крайности типичный случай. Татарка вступает в брак с коми-старообрядцем, брак зарегистрирован на территории ненецкой общины, после чего новобрачные заключают брачный договор. Каковы правовые последствия этого акта?

¹ См.: Определение судебной коллегии по административным делам Верховного суда Российской Федерации от 31 августа 2011 г. № 49-11-57; Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 20-ПВ11.

² Шаповалова Т. Н. Евразийский федерализм: политико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 9-10.

³ «Локальная нормативная система» – не система норм, содержащихся в локальных нормативных актах организаций, но скорее корпус обычного права, применимого в отношении одного из народов РФ.

Различные этносы и конфессиональные группы особым образом относятся к подобным сделкам. Возможно, в среде старообрядцев брачный договор признают недействительным, посчитав его «легализованной формой проституции», иные народы (татары) устанавливают другие нормы. Супруг же одновременно принадлежит как к старообрядческой автономии, так и автономии коми. Супруга является представителем третьей, татарской автономии. Право какой из автономий нужно применять в этом случае? То же самое – относительно договора купли-продажи или мены. Отсылки к территории здесь применяются не будут. Хорошо, если стороны предусматривают право, применимое к сторонам, в самом договоре. Но если такой оговорки в нем нет? Какого объема должен быть акт, содержащий коллизионные нормы, который бы смог предусмотреть все эти случаи?

Система права в подобной стране будет содержать огромный массив коллизионных норм. Однако и это не предотвратит огромного количества судебных дел, связанных с их применением. Поэтому в подзаконных актах нужно будет подробно описать, чем отличается поморская автономия от казацкой, аварская от лакской и т.д. Правовые тексты будут наполнены ценностными, доктринальными суждениями и, хуже того, оценками. Будет ли это отображать ту правовую модель, который предлагали классики евразийства, утверждавшие относительный, характер права, которое не может регулировать все отношения в обществе?

Хотя такая «неевразийская» трактовка российского федерализма, является в целом небезынтересной, идея подобного «полиориализма»

нереализуема во всей полноте. Однако можно согласиться с тем утверждением Т. Н. Шаповаловой, что правовые идеи евразийства могут внести определенный вклад в развитие юридической этнологии, сталкивающейся с проблемами реалий юридических норм различными по своей правовой культуре народами.

Воззрения классиков-евразийцев на народ как на коллективное единство делают возможным создание и развитие сложного государственного образования, основанного не столько на формальном равенстве индивидов в одном государстве (что на примере России так и не привело к какому-либо устойчивому «национальному проекту»), не столько на этническом факторе (что в условиях полигничности достаточно сложно), сколько на факторе устойчивого геосоциального пространства, которое евразийцы называли «месторазвитием».

Полухина А. Н.,
ПГТУ, Йошкар-Ола

КОНЦЕПЦИЯ ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу современных методологических подходов к изучению туристских регионов. В статье дана подробная характеристика концепции дестинации, проведено сравнение с другими теоретическими подходами. Проанализированы точки зрения российских и зарубежных исследователей, применяющих концепцию дестинаций.

THE CONCEPT OF TOURIST TERRITORIES

IN THE MODERN SCIENTIFIC RESEARCHES

The summary. This article is devoted to the analysis of modern theoretical approaches to the research of touristic regions. There is specification of the concept of touristic destination in detail. There is comparison with another theoretical approaches and analysis of different point of views of Russian and foreign researchers, who apply the concept of touristic destination.

В современной науке для обозначения туристской территории в многообразии ее туристского потенциала применяются ряд терминов: туристский регион, кластер, туристско-рекреационные особые экономические зоны, территориальные туристско-рекреационные системы, дестинации и т.д. При этом термин дестинации наименее понятен, поэтому рассмотрим его более подробно.

Термин «дестинация» в переводе с английского означает «местонахождение». Понятие было введено профессором Мейсенского университета (г. Окленд) Н. Лейлером в середине 1980-х годов. Дестинация – это географическая территория, обладающая определенной привлекательностью для туристов. Здесь на первый план выходит привлекательность, которая может быть разной для различных групп туристов. Например, туристы различного возраста, достатка, интереса, отдающие на одной ограниченной территории (кемпинг, отель) могут иметь

**СОЦИАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА
И АКТУАЛЬНАЯ НАУКА**

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ПРИРОДА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор

В. П. Шлапаев

Редактор
M. N. Федотова

Компьютерная вёрстка

H. Ф. Мухаматгалиева, Е. А. Рыбакова

Подписано в печать 26.12.2013. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,08. Тираж 500 экз. Закз № 5270.

Поволжский государственный технологический университет

424000 г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Редакционно-издательский центр

Поволжского государственного технологического университета
424006 г. Йошкар-Ола, ул. Панфилова, 17